

А.Милн / Б. Заходер

ДОМ ^{НА} **ПУХОВОЙ**
ОПУШКЕ

ISBN 5-85066-114-X

© Б.В.Заходер. Текст. 1960.
© Э.В.Назаров. Иллюстрации. 1999.
© РИО "Самовар 1990".
Серийное оформление.1999.

А.Милн / Б. Заходер

ДОМ НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой для Иа-Иа строят
дом на Пуховой Опушке*

Однажды, когда Винни-Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что всё-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шёл снег, и Винни плёлся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня; но, к своему удивлению, он увидел, что дверь дома Пятачка открыта, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушёл из дому,— грустно сказал Пух,— вот в чём дело. Поэтому его и нет дома! Придётся мне прогуляться одному и самому обдумать это дело. Обидно-досадно!

Но сначала он решил всё-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок *не* ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Винни хорошим Шумом, который может, пожалуй, многим понравиться:

*Иду вперёд
(Тирлим-бом-бом),
И снег идёт
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам совсем-совсем не по дороге!
Но только вот
(Тирлим-бом-бом)*

*Скажите, от-
(Тирлим-бом-бом),
Скажите, отчего так зябнут ноги?*

— Тогда я вот что сделаю,— сказал Винни-Пух.— Я сделаю так: сперва пойду домой и посмотрю, который час, и, может быть, надену шарф, а потом я пойду навещу Иа и спою ему эту Шумелку.

Винни побежал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем как спеть её Иа, что, когда он внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье — в чьём же доме он находится?

— Ой, Пятачок,— сказал он,— а я думал, тебя нет дома.

— Нет,— сказал Пятачок,— это тебя нет дома, Пух.

— Пожалуй, правильно,— сказал Пух,— во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

— Ура, ура, уже почти одиннадцать,— сказал Пух радостно,— как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

— А потом мы пойдём гулять и spoём мою Шумелку Иа,— добавил он.

— Какую шумелку?

— Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа,— объяснил Пух.

Спустя полчаса, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часы, к их утешению, всё ещё показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надоело вертеться, пытаясь поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая снежинка сама отыскивала себе место для отдыха. Порой этим местом оказывался нос Винни-Пуха, а порой нет, и спустя немного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как ещё никогда в жизни.

— Пух,— сказал он наконец, слегка помявшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он сдаётся.— Я вот о чём подумал: а что, если мы сейчас пойдём домой и поучим как следует твою песню, поупражняемся, а потом spoём её Иа? Завтра... или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим?

— Это очень хорошая мысль, Пятачок! — сказал Пух.— Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге, но только дома её повторять не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и её надо петь на дороге, когда идёт снег.

— Обязательно? — тревожно спросил Пятачок.

— Да ты сам увидишь, Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: «Иду вперёд, тирлим-бом-бом...»

— Тирлим что? — спросил Пятачок.

— Бом-бом,— сказал Пух.— Я вставил это, чтобы она была шумелочней. «И снег идёт, тирлим-бом-бом, хоть нам...»

— А ты разве не сказал «иду вперёд»?

— Да, но «вперёд» был впереди.

— Впереди тирлим-бом-бома?

— Это же был другой тирлим-бом-бом,— сказал Винни-Пух, уже несколько сбитый с толку.

И он запел снова:

Идём вперёд

(Тирлим-бом-бом),

И снег идёт

(Тирлим-бом-бом),

Хоть нам совсем-совсем не по дороге!

Но только вот

(Тирлим-бом-бом),

Скажите, от-

(Тирлим-бом-бом),

Скажите, отчего так зябнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от начала и до конца, и, пожалуй, так она стала ещё лучше, и, окончив, Винни замолчал в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта — самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьёзного размышления высказал своё мнение.

— Пух,— сказал он задумчиво,— по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подходили к Унылому Месту, где жил Иа, и, так как у Пятачка за ушками всё ещё было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули к небольшой сосновой рощице и присели на калитку изгороди.

Теперь снег на них не падал, но всё ещё было очень холодно, и, чтобы не замёрзнуть, они спели Шумелку Пуха шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнял все тирлим-бом-бомы, а Пух всё остальное), причём оба в нужных местах колотили по изгороди палочками.

Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

— Я сейчас думал,— сказал Пух,— и думал я вот о чём: я думал про Иа.

— А что ты думал про Иа?

— То, что ведь бедному Иа негде жить.

— Негде, негде,— согласился Пятачок.

— У тебя есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома. И у Кристофера Робина есть дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Родственников и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного Иа нет совсем ничего. И вот что я придумал: давай построим ему дом.

— Это замечательная мысль,— сказал Пятачок.— А где мы его построим?

— Мы построим его здесь,— сказал Пух,— на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место «Пухова Опушка», и мы построим для Иа на Пуховой Опушке — Дом Иа.

— Ой, кстати, там за рощей я видел груду палочек,— сказал Пятачок.— Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

— Спасибо, Пятачок. То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я мог бы назвать

это место Пуховопятачковой Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала лучше. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они слезли с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин всё это утро провёл в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошёл с корабля и подумал: «Интересно, какая сейчас на улице погода», как вдруг в его дверь постучал не кто иной, как Иа.

— Здравствуй, Иа,— сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор.— Как ты себя чувствуешь?

— Снег всё идёт,— мрачно сказал Иа.

— Да, да.

— И мороз.

— Да?

— Да,— сказал Иа.— Однако,— добавил он, немного просветлев,— землетрясений у нас в последнее время не было.

— Что случилось, Иа?

— Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенного. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

— Какого дома?

— Просто дома.

— А кто там живёт?

— Я живу. По крайней мере, я думал, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

— Ой, Иа, я не знал. Я всегда думал...

— Не знаю, в чём тут дело, Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всём прочем, сейчас в поле часа в три утра не так жарко, как думают

некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин,— продолжал Иа громким шёпотом,— строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить,— там *холодно*.

— Ой, Иа!

— И я сказал себе — ведь остальные, пожалуй, огорчатся, если я замёрзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют думать, но если снег будет идти ещё недель шесть или в этом духе, даже кто-нибудь из них может сказать себе: «Пожалуй, Иа не так уж жарко сейчас часа в три утра». А потом он захочет это проверить. А ещё потом ему станет очень грустно.

— Ой, Иа! — сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

— Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, всё это я клоню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой Рощицы.

— Правда, построил? Как замечательно!

— Действительно замечательным,— продолжал Иа самым унылым тоном,— представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда вернулся, его там не было. Вообще это всё вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но всё-таки я несколько обескуражен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально натянул тёплую шапку, тёплые ботинки и тёплое пальто.

— Мы сейчас пойдём и выясним это,— сказал он Иа.

— Иногда,— сказал Иа,— когда люди забирают чей-нибудь дом, там остаётся кусочек-другой, который им не нужен и который они с удовольствием

вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы заглянем...

— Пошли, пошли,— сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку рощи, где *не было* дома Иа.

— Ну вот,— сказал Иа.— Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать всё, что хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

— Ты не слышишь? — спросил он Иа.

— А что там такое? Кто-то смеётся?

— Слушай.

Они прислушались...

И они услышали ворчливый басок, напевавший, что и он идёт, и снег идёт, хотя им совсем-совсем не по дороге, и чей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлимбомбомкать.

— Это Пух! — радостно сказал Кристофер Робин.

— Вероятно,— сказал Иа.

— И ещё Пятачок,— взволнованно сказал Кристофер Робин.

— Возможно,— сказал Иа.— Кто нам сейчас действительно нужен — это хорошая ищейка.

Слова песни неожиданно изменились.

— Наш дом готов! — пел бас.

— Тирлим-бом-бом,— пел пискливый голосок.

— Прекрасный дом...

— Тирлим-бом-бом...

— Я сам охотно жил бы в нём!..

— Тирлим-бом-бом!

— Пух! — закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

— Это Кристофер Робин,— в восторге сказал Пух.

— Он на той стороне. Там, где мы взяли палочки,— сказал Пятачок.

— Побежали,— сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

— Эй, а тут Иа! — сказал Пух, когда они с Кристофером Робинем кончили обниматься. Он толкнул локтем Пятачка, а Пятачок толкнул локтем его, и они подумали, какой это приятный сюрприз.— Здравствуй, Иа!

— И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам — вдвое,— уныло сказал Иа.

Не успел Винни-Пух спросить: «Почему по четвергам?» — как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа.

Пух и Пятачок слушали, и глаза у них становились всё больше и больше.

— Где, ты говоришь, он был? — спросил Пух.

— Как раз тут,— сказал Иа.

— Он был сделан из палочек?

— Да.

— Ох,— сказал Пятачок.

— Что? — сказал Иа.

— Я просто сказал «ох»,— нервно ответил Пятачок и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлиббомкнул так беззаботно, как только мог.

— А ты уверен, что это был дом? — спросил Пух.— Я хочу сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

— Конечно, уверен,— сказал Иа. Он пробормотал про себя: «Ни тени ума нет у некоторых!»

— В чём дело, Пух? — спросил Кристофер Робин.

— Ну...— сказал Пух.— Дело в том...— сказал он.— Ну, дело в том...— сказал Пух.— Понимаешь...— сказал Пух, и тут что-то, видимо, подсказало

ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Пятачка локтем.

— Как бы вам сказать...— поспешно сказал Пятачок.— Только теплее,— добавил он после долгого размышления.

— Что — теплее?

— На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

— Мой дом? — спросил Иа.— Мой дом был здесь.

— Нет,— твёрдо сказал Пятачок,— он на той опушке.

— Потому, что там теплее,— сказал Пух.

— Но я хочу знать...

— Пойдём и посмотрим,— просто сказал Пятачок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа — с виду уютный-преуютный.

— Вот он,— сказал Пятачок.

— Внутри не хуже, чем снаружи,— с гордостью сказал Пух.

Иа вошёл в дом и снова вышел.

— Странное явление,— сказал он.— Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его сдуло сюда ветром. Видимо, ветер перенёс его прямо через рощу и тут опустил. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

— Гораздо лучше! — хором сказали Пух и Пятачок.

— Вот вам пример того, что можно сделать, если не полениться,— сказал Иа.— Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Пятачок? Во-первых — Смекалка, а во-вторых — Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! — гордо закончил Иа.

Все попрощались со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин пошёл обедать со своими друзьями — Пухом и Пятачком.

По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибке, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно запели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели её всю дорогу, причём Пятачок, который всё ещё был немного не в голосе, только тирлиббомбомкал.

«Конечно, кажется, что тирлиббомбомкать легко,— сказал Пятачок про себя,— но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!»

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой в Лес приходит
Тигра и завтракает*

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажёл свечку и пошёл к буфету — проверить, не пытается ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лёг в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук — тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Пятачок? — спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин, — сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошёл.

— Завтра расскажешь, Иа, — сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— **ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА!** — говорил Неизвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое? — подумал он. — У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это не пение, и не сопение, и не хрипение... Это даже не тот звук, который издаёшь перед тем, как прочитать вслух стихи. Это какой-то незнакомый шум, и шумит какой-то незнакомый зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и попросить его перестать».

Винни встал с постели и открыл дверь.

— Привет! — сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Привет! — ответил Неизвестно Кто.
— Ох! — сказал Пух.— Привет!
— Привет!
— А, это ты! — сказал Пух.— Привет!
— Привет! — сказал Чужой Зверь, недоумеая,
до каких пор этот обмен приветствиями будет про-
должаться.

Пух как раз собирался сказать «Привет!» в чет-
вёртый раз, но подумал, что, пожалуй, не стоит, и
вместо этого он спросил:

— А кто это?
— Я,— отвечал Голос.
— Правда? — сказал Пух.— Ну, тогда входи!
Тут Неизвестно Кто вошёл, и при свете свечи
он и Пух уставились друг на друга.
— Я — Пух,— сказал Винни-Пух.
— А я — Тигра,— сказал Тигра.
— Ох! — сказал Пух. (Ведь он никогда раньше

не видел таких зверей.) — А Кристофер Робин знает про тебя?

— Конечно, знает! — сказал Тигра.

— Ну,— сказал Пух,— сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мёд на завтрак. Тигры любят мёд?

— Они всё любят! — весело сказал Тигра.

— Тогда, раз они любят спать на полу, я опять пойду в постель,— сказал Пух,— а завтра мы займёмся делами. Спокойной ночи!

И он лёг в постель и поскорее заснул.

Первое, что он увидел утром, проснувшись,— это был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на своё отражение.

— Доброе утро! — сказал Пух.

— Доброе утро! — сказал Тигра.— Смотри-ка, тут есть кто-то, точь-в-точь как я. А я думал, я только один такой.

Пух вылез из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошёл до самого интересного места, Тигра сказал:

— Минуточку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лезет на твой стол!.. ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! — проворчал он, схватил угол скатерти, стащил её на пол, завернулся в неё три раза, перекатился на другой конец комнаты и, после отчаянной борьбы, высунул голову из-под скатерти и весело спросил: — Ну, кто победил? Я?

— Это моя скатерть,— сказал Пух, начиная развёртывать Тигру.

— Никогда бы не подумал, что её так зовут,— сказал Тигра.

— Её стелют на стол, и на неё потом всё ставят.

— А тогда зачем она старалась укусить меня, когда я не смотрел?

— Не думаю, чтобы она очень старалась,— сказал Пух.

— Она старалась,— сказал Тигра,— но где ей со мной справиться!

Пух расстелил скатерть на столе, поставил большой горшок мёду на скатерть, и они сели завтракать.

Как только они сели, Тигра набрал полный рот мёду... и поглядел на потолок, склонив голову набок. Потом послышалось чмоканье — удивлённое чмоканье, и задумчивое чмоканье, и чмоканье, означающее: «Интересно, что же это нам такое дали?»

А потом он сказал очень решительным голосом:

— Тигры не любят мёда!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, стараясь показать, что его это ужасно огорчило.— А я-то думал, что они любят всё.

— Всё, кроме мёда,— сказал Тигра.

Сказать по совести, Винни-Пуху это было довольно приятно, и он поспешно сообщил Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желудями.

— Спасибо, Пух,— сказал Тигра,— потому что как раз жёлуди Тигры любят больше всего на свете!

И вот после завтрака они отправились в гости к Пятачку, и Пух по дороге объяснил, что Пятачок — Очень Маленькое Существо и не любит, когда на него насакивают, так что он, Пух, просит Тигру не очень распрыгиваться для первого знакомства, а Тигра, который всю дорогу то прятался за деревьями, то вдруг выскакивал из засады, стараясь поймать тень Пуха, когда она *не смотрела*, отвечал, что Тигры насакивают только до завтрака, а едва они съедят немного желудей, они становятся Тихими и Вежливыми. Так они незаметно дошли до дверей Пятачка и постучали.

— Здравствуй, Пух,— сказал Пятачок.
— Здравствуй, Пятачок. А это — Тигра.
— П-п-правда? — спросил Пятачок, отъезжая на стуле к противоположному краю стола.— А я думал, Тигры не такие большие.

— Ого-го! Это ты не видел больших! — сказал Тигра.

— Они любят жёлуди,— сказал Пух,— поэтому мы и пришли. Потому что бедный Тигра до сих пор ещё совсем не завтракал.

Пятачок подвинул корзинку с желудями Тигре и сказал: «Угощайтесь, пожалуйста», а сам крепко прижался к Пуху и, почувствовав себя гораздо храбрее, сказал: «Так ты Тигра? Ну-ну!» — почти весёлым голосом. Но Тигра ничего не ответил, потому что рот у него был набит желудями...

Он долго и громко жевал их, а потом сказал:

— Мимы ме мюмят момумей.

А когда Пятачок спросил: «Что, что?» — он сказал:

— Мимимите! — и выбежал на улицу.

Почти в ту же секунду он вернулся и уверенно объявил:

— Тигры не любят желудей.

— А ты говорил, они любят всё, кроме мёда,— сказал Пух.

— Всё, кроме мёда и желудей,— объяснил Тигра.

Услышав это, Пух сказал: «А-а, понятно!» — а Пятачок, который был, пожалуй, немного рад, что Тигры не любят желудей, спросил:

— А как насчёт чертополоха?

— Чертополох,— сказал Тигра,— Тигры действительно любят больше всего на свете!

— Тогда пойдём навестим Иа,— предложил Пятачок.

Все трое отправились в путь. Они шли, и шли, и шли, и наконец пришли в тот уголок Леса, где находился Иа-Иа.

— Здравствуй, Иа! — сказал Пух.— Вот это — Тигра.

— Кто вот это? — спросил Иа.

— Вот это,— в один голос объяснили Пух и Пятачок, а Тигра улыбнулся во весь рот и ничего не сказал.

Иа обошёл вокруг Тигры два раза: сначала с одной стороны, потом с другой.

— Как, вы сказали, это называется? — спросил он, закончив осмотр.

— Тигра.

— Угу,— сказал Иа.

— Он только что пришёл,— объяснил Пятачок.

— Угу,— повторил Иа.

Он долго размышлял, а потом сказал:

— А когда он уходит?

Пух стал объяснять Иа, что Тигра — большой друг Кристофера Робина и он теперь всегда будет в Лесу, а Пятачок объяснил Тигре, что он не

должен обижаться на то, что сказал Иа, потому что он, то есть Иа, всегда такой угрюмый; а Иа-Иа объяснил Пятачку, что, наоборот, сегодня утром он необыкновенно весел; а Тигра объяснил всем и каждому, что он до сих пор ещё не завтракал.

— Ох, я так и знал, что позабуду,— сказал наконец Пух.— Тигры всегда едят чертополох — вот почему мы пришли к тебе в гости.

— Спасибо, Пух! Очень, очень тронут твоим вниманием!

— Ой, Иа, я не хотел сказать, что мы не хотели тебя видеть...

— Понятно, понятно. Словом, ваш новый полосатый друг хочет позавтракать. Вполне естественно. Как, вы говорите, его зовут?

— Тигра.

— Ну, тогда пойдём сюда, Тигра.

Иа проводил Тигру к самому колючему кусту чертополоха и для верности показал на него копытом.

— Этот кустик я берёг для своего дня рождения,— сказал он,— но, в конце концов, что такое день рождения? Сегодня он тут, а завтра его нет. Пожалуйста, Тигра, угощайся.

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно покосился на Пуха.

— Это и есть чертополох? — шепнул он.

— Да,— сказал Пух.

— Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

— Совершенно верно,— сказал Пух.

— Понятно,— сказал Тигра.

И он храбро откусил большую ветку и громко захрустел ею. В ту же секунду он сел на землю и сунул лапу в рот.

— Ой-ой-ой,— сказал он.

— В чём дело? — спросил Пух.

— Жжётся! — пробормотал Тигра.

— Кажется,— сказал Иа,— ваш друг проглотил пчелу.

Друг Пуха на секунду перестал трясти головой (он пытался вытрясти колючки) и объяснил, что Тигры не любят чертополоха.

— Тогда зачем было портить такой отличный экземпляр? — сурово спросил Иа.

— Но ведь ты сам говорил,— начал Пух,— ты говорил, что Тигры любят всё, кроме мёда и желудей.

— И чертополоха! — крикнул Тигра, который в это время бегал с высунутым языком, описывая огромные круги.

Пух грустно посмотрел на него.

— Что же мы будем делать? — спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

— Вы найдёте его у Кенги,— сказал Иа. Потом он подошёл поближе к Пуху и сказал громким шёпотом: — Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? Я сегодня собираюсь обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед истоптали ногами. Конечно, это пустяки, прихоть, можно сказать, но у всех у нас есть свои маленькие капризы.

Пух важно кивнул и позвал Тигру:

— Пошли! Мы сейчас пойдём к Кенге, уж у неё найдётся для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончил последний круг и подбежал к Пуху.

— Жжётся! — объяснил он, широко и приветливо улыбаясь.— Пошли! — И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чём думать, а Пух ничего не говорил,

потому что думал о новом стихотворении, и, когда он всё хорошенько обдумал, он начал:

*Что делать с бедным Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь тот, кто ничего не ест,
Не может и расти!*

*А он не ест ни мёду,
Ни вкусных желудей —
Ну ничего, чем кормят
Порядочных людей!*

*Он даже отказался
Жевать чертополох,
Чем вызвал в нашем Обществе
Большой переполох!*

*Так что ж нам делать с Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь Тигре очень нужно
Немного подрасти!*

— Да он ведь и так уже очень большой,— сказал Пятачок.

— На самом деле он ещё не очень большой.

— Ну, он кажется очень большим. Просто огромным!

Пух, услышав это, задумался и пробормотал про себя:

*Не знаю я, сколько в нём Метров,
И Литров, и Килограмм,
Но Тигры, когда они прыгают,
ОГРОМНЫМИ кажутся нам!*

— Вот и всё стихотворение,— сказал он.— Тебе оно нравится, Пятачок?

— Всё, кроме Литров,— сказал Пятачок.— По моему, они тут ни к чему.

— А они обязательно хотели встать сзади Метров,— объяснил Пух.— Вот я их и впустил туда, чтобы отвязаться. Вообще это самый лучший способ писать стихи — позволять вещам становиться туда, куда они хотят.

— Этого я не знал,— сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал впереди, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: «Сюда идти?» И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился к нему со всех ног.

— Ах, это ты, Тигра! — сказал Кристофер Робин.— Я знал, что ты где-нибудь тут.

— А я сколько всего нашёл в Лесу! — с гордостью сказал Тигра.— Я нашёл пух, и пяточок нашёл, и ещё Иа нашёл! А вот завтрака я нигде не нашёл.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину, обнялись с ним и рассказали, в чём дело.

— Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? — спросил Пух.

— Если я очень постараюсь, я, наверно, вспомню,— сказал Кристофер Робин,— но я думаю, что Тигра сам знает.

— Я знаю,— сказал Тигра,— они любят всё на свете, кроме мёда и желудей и ещё — как эти жгучки называются?

— Чертополох.

— Да и ещё кроме этих.

— Ну что же, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом и, когда Крошка Ру сказал: «Здравствуй, Пух», и «Здравствуй, Пятачок» (по одному разу), и «Здравствуй, Тигра» (два раза,

потому что это забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда ещё так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: «Ну что ж, милый Тигра, загляни в мой буфет и посмотри — что тебе там понравится». Ведь Кенга сразу поняла, что, хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

— А можно мне тоже поглядеть? — сказал Пух, который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатичасно, и, получив согласие, он разыскал небольшую банку сгущённого молока. Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят сгущённого молока, и он тихонечко унёс банку в уголок и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра совал то свой нос, то лапу то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят... И когда он перерыл весь буфет и нашёл всё, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

— Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок — все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: «Может, не надо?» — а Кенга говорила: «Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал».

— Что это там такое? — шепнул Тигра Пятачку.

— Это ему лекарство дают, — сказал Пятачок. — Витамины! Он их ненавидит!

Тигра подошёл поближе и наклонился над спинкой кресла Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое «буль-буль», и, подскочив от удивления, Кенга вскрикнула: «Ох!» — и ухватила ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезала в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

— Господи, Тигра, милый! — сказала Кенга.

— Он моё лекарство принял, он моё лекарство принял, он принял моё лекарство! — в восторге запищал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошёл ходить кругами вокруг мордочки, на тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем его озарила умиротворённая улыбка, и он сказал:

— Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поселился в доме у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую каши, которой завтракал Ру.

— Но я лично считаю, — говаривал в таких случаях Пятачок Пуху, — я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой огрызуются Поиски,
а Пятачок опять чуть-чуть
не попался Слонопотаму*

Однажды Пух сидел дома и пересчитывал свои горшки с мёдом, как вдруг раздался стук в дверь.

— Четырнадцать,— сказал Пух.— Войдите. Четырнадцать. Или их было пятнадцать? Обидно! Теперь я сбился.

— Привет, Пух! — сказал Кролик.

— Привет, Кролик. Их четырнадцать, правда?

— Кого их?

— Моих горшков с мёдом. Которые я считал.

— Четырнадцать, точно.

— Ты уверен?

— Нет,— сказал Кролик.— А это важно?

— Я просто хотел знать,— сказал Пух скромно.— Чтобы я потом мог сказать сам себе: «А у меня ещё четырнадцать горшочков мёду осталось!» Или, может быть, пятнадцать. Это как-то утешает.

— Ну, тогда пусть будет шестнадцать,— решил Кролик.— Я вот о чём хотел сказать: ты сегодня видел где-нибудь Козявку?

— По-моему, нет,— сказал Пух.

А потом, немного подумав, он сказал:

— А кто это такой — Козявка?

— Ну, там, один из моих Родственников и Знакомых,— небрежно ответил Кролик.

Пуxu это, по правде говоря, не очень помогло. Ведь у Кролика было так много Родственников

и Знакомых — и таких разных сортов и размеров, — что Пух не представлял себе даже, где искать Козявку — на вершине дуба или среди лепестков лютика...

— Я сегодня никого не видал, — сказал Пух, — никого такого, кому можно сказать: «Привет, Козявка!» А он тебе нужен зачем-нибудь?

— Мне никто не нужен, — сказал Кролик. — Это я всем нужен. Но всегда полезно сказать, где он есть, твой Родственник и Знакомый, нужен он тебе или не нужен.

— А-а, понятно, — сказал Пух. — Он потерялся?

— Ну, — сказал Кролик, — уже очень давно его никто не видал, значит, по-моему, наверно, да. Так или иначе, — продолжал он важно, — я пообещал Кристоферу Робину Организовать Поиски, так что пошли.

Пух тепло попрощался со своими четырнадцатью горшочками, надеясь, что их всё-таки пятнадцать, и оба — он и Кролик — вышли в Лес.

— Так вот,— начал Кролик,— идут Поиски, и я их Организовал.

— Что ты с ними сделал? — спросил Пух.

— Организовал. Это значит,— ну, это то, что нужно сделать, когда идут Поиски, чтобы не искать всем сразу в одном месте. Поэтому я хочу, чтобы ты, Пух, искал сначала возле Шести Сосен, а потом прошёл к Дому Совы и там разыскал меня. Ясно?

— Нет,— сказал Пух.— А что?

— Тогда увидимся возле дома Совы примерно через час.

— А Пятачок — он тоже огрызован?

— Как и все мы,— сказал Кролик и умчался.

Едва Кролик скрылся из виду, как Пух вспомнил, что так и забыл спросить, кто такой Козявка — то ли он Родственник и Знакомый того сорта, который садится тебе на нос, то ли он из тех, на которых ты нечаянно наступаешь. А так как было уже Слишком Поздно, он решил прежде всего разыскать Пятачка и сначала узнать у него, что именно (вернее — кого именно) они ищут, а уж потом начать Поиски.

«А Пятачка нечего искать у Шести Сосен,— сказал Пух про себя,— потому что ведь его огрызовали в совсем другое, Специальное Место. Значит, надо сперва поискать это Специальное Место. Интересно, где оно может быть?»

И Пух записал в своей голове примерно вот что:

КАК ВСЁ ИСКАТЬ ПО ПОРЯДКУ

1. *Специальное Место (Найти Пятачка)*
2. *Пятачок (Узнать, кто такой Козявка)*
3. *Козявка (Найти Козявку)*
4. *Кролик (Сказать ему, что я нашёл Козявку)*
5. *Опять Козявка (Сказать ему, что я нашёл Кролика)*

«Получается вроде довольно беспокойный день»,— подумал Пух, потихоньку ковыляя по Лесу.

И в следующее мгновение День стал и в самом деле весьма беспокойным, потому что Пух так старательно НЕ смотрел себе под ноги, что обеими лапками наступил на ту часть Леса, которую по ошибке забыли в другом месте, так что он успел только подумать: «Я лечу. Как Сова. Интересно, как бы остано...»

И тут он остановился.

ПЛЮХ!

— Ой,— пискнул кто-то.

«Странно,— подумал Пух,— я сказал «Ой», а сам не ойкал!»

— Спасите,— сказал тоненький, пискливый голосок.

«Это опять я,— подумал Пух.— Со мной случился Несчастный Случай, и я упал в колодец, и голос у меня стал пискливый, и разговаривает сам собой, потому что я что-то себе повредил. Плохо дело!»

— Спасите-помогите! — снова пискнул Голосок.

— Ну вот, пожалуйста! Я не собирался этого говорить, а вот говорю! Значит, это Очень Несчастный Случай!

Тут Пух решил проверить, сможет ли он сказать то, что собирается, и громко произнёс:

— Очень Несчастный Случай с Медвежонком Пухом.

— Пух! — пискнул Голосок.

— Это Пятачок! — крикнул Пух радостно.— Где ты, Пятачок?

— Внизу! Меня придавило,— сказал Пятачок придавленным голосом.

— Придавило? Чем?

— Тобой,— пискнул Пятачок.— Ты встань!

— Ох! — сказал Пух и поднялся как можно быстрее.— Я упал на тебя, Пятачок?

— Ты на меня свалился,— сказал Пятачок, ощупывая себя с головы до ног.

— Я не нарочно,— сказал Пух сокрушённо.

— Я тоже не нарочно,— печально сказал Пятачок.— Но теперь всё в порядке, Пух, и я очень-очень рад, что это ты.

— Что же случилось? — спросил Пух.— Где мы?

— Я думаю, мы в какой-то яме. Я шёл себе и искал кого-то, и вдруг я куда-то пропал, а когда я поднялся поглядеть, где же я, тут на меня что-то свалилось. Это был ты.

— Так и было,— сказал Пух.

— Да,— сказал Пятачок.— Пух,— продолжал он встревоженно и подвинулся к Пуху поближе,— Пух, ты думаешь — мы в Ловушке?

Пух об этом вообще не думал, но тут он кивнул. Потому что он внезапно вспомнил, как они с Пятачком устроили Хитрую Пухову Ловушку Для Слонопотамов, и он сразу догадался, что сейчас случилось. Они с Пятачком угодили в Слонопотамскую Ловушку Для Пухов! Никаких сомнений!

— А что же будет, когда Слонопотам придёт? — спросил Пятачок, весь дрожа, когда узнал эти новости.

— Может, он тебя не заметит, Пятачок,— ободрительно сказал Пух,— потому что ты ведь — Очень Маленькое Существо.

— Но тебя-то он заметит, Пух...

— Он заметит меня, а я замечу его,— сказал Пух, вслух обдумывая положение.— Мы будем долго-долго замечать друг друга, а потом он скажет «ХО-ХО!».

Пятачок слегка вздрогнул, представив себе это «ХО-ХО!», и ушки его затрепетали.

— А... а ты что скажешь? — спросил он.

Пух попытался себе представить, что он скажет,

но чем больше он пытался, тем больше чувствовал, что на такое «ХО-ХО!», сказанное Слонопотамом, да ещё таким голосом, каким ЭТОТ Слонопотам собирался сказать «ХО-ХО!», просто нет подходящего ответа...

— Я, наверно, ничего не скажу,— сказал Пух наконец.— Я буду просто мурлыкать про себя Шумелку, как будто я задумался.

— А он тогда, наверно, опять скажет «ХО-ХО!»? — предположил Пятачок.

— Скажет,— согласился Пух.

Ушки Пятачка затрепыхались с такой силой, что ему пришлось прижать их к стене Ловушки, чтобы остановить.

— Он опять скажет «ХО-ХО!»,— продолжал Пух,— а я буду шумелкать и шумелкать... И это его расстроит... Потому что если вы скажете кому-то «ХО-ХО!» целых два раза, да ещё таким злорадным голосом, а этот кто-то только шумелкает, то тогда вы вдруг поймёте,— как раз когда собираетесь сказать «ХО-ХО!» в третий раз, что... что... — ну да, вы поймёте...

— Что?

— Что оно НЕ.

— НЕ что?

Пух, конечно, знал, что он хочет сказать, но, будучи всего лишь медведем с опилками в голове, не мог найти слова.

— Ну, просто НЕ. И всё,— повторил он.

— Ты хочешь сказать, что оно уже не ХОХОШ-НОЕ? — сказал с надеждой Пятачок.

Пух посмотрел на друга и с восторгом сказал, что ну да, он именно это самое и хотел сказать — что МОЖНО всё время шумелкать, но всё время говорить «ХО-ХО!» никак нельзя.

— А тогда он скажет что-нибудь другое,— сказал Пятачок.

— То-то и оно. Он скажет: «Что же это такое?» А тогда я скажу — и, кстати, это очень хорошая мысль, Пятачок, я её сию минуту придумал — я скажу: «Это ловушка для Слонопотамов, которую я построил, и теперь я жду, чтобы в неё попал Слонопотам!» — и буду дальше шумелкать. И уж тут он совсем растеряется.

— Пух! — закричал Пятачок (и теперь пришла его очередь глядеть на друга с восхищением), — Пух, ты нас спас!

— Ну да? — сказал Пух. Он не был в этом уверен.

Но Пятачок был совершенно уверен; воображение его заработало, и он прямо-таки увидел, как Пух и Слонопотам разговаривают друг с другом, и вдруг он (не без огорчения) подумал, насколько было бы лучше, если бы со Слонопотамом разговаривал не Пух (как он ни любил Пуха), а Пятачок, потому что ведь у него, по правде говоря, больше ума, и разговор получился бы куда интересней, если бы одним из собеседников был не Пух, а Пятачок. И как было бы приятно потом по вечерам вспоминать тот день, когда он отвечал Слонопотаму так отважно, словно никакого Слонопотама тут и не бывало. Теперь это казалось так легко!

Вот какой был бы разговор:

СЛОНОПОТАМ (злорадно): ХО-ХО!

ПЯТАЧОК (беззаботно): Тара-тара-тара-рам!

СЛОНОПОТАМ (удивлённый и уже не столь уверенный в себе): Хо-хо!

ПЯТАЧОК (ещё беззаботнее): Трам-пам-пам-тирирам-пам-пам!

СЛОНОПОТАМ (собрался было опять сказать «Хо-хо!», но неловко делает вид, будто закашлялся): Ххммм! Что это такое?

ПЯТАЧОК (удивлённо): Как это? Это Ловушка,

которую я сделал, и я жду, чтобы в неё попался Слонопотам!

СЛОНОПОТАМ (крайне разочарованный): Ох! (После долгого молчания.) Вы уверены?

ПЯТАЧОК: Да!

СЛОНОПОТАМ: Ох! (Нервно.) Я... Я думал, это Ловушка, которую я сделал, чтобы ловить Пятачков.

ПЯТАЧОК (изумлённо): Да что вы! Ни в коем случае!

СЛОНОПОТАМ (виновато): Я... Я, наверно, что-то перепутал...

ПЯТАЧОК: Боюсь, что так. (Вежливо.) Мне очень жаль. (Продолжает напевать.)

СЛОНОПОТАМ: Тогда... тогда я, пожалуй, пойду. Мне пора.

ПЯТАЧОК (вскидывая глаза): Ах, вам пора? Тогда, пожалуйста, если где-нибудь встретите Кристофера Робина, скажите ему, что он мне нужен.

СЛОНОПОТАМ (рад угодить): Непременно! Непременно! (Поспешно удаляется.)

ПУХ (которого здесь, в сущности, не должно было быть, но без которого, как выясняется, не обойтись): Ох, Пятачок, какой ты храбрый и умный!

ПЯТАЧОК (скромно): Да что ты, Пух! Ничего подобного! (А потом, когда Кристофер Робин придёт, Пух сможет ему всё-всё рассказать!)

Пока Пятачку снились эти счастливые сны, а Пух продолжал выяснять — четырнадцать или пятнадцать, поиски Козявки шли полным ходом по всему Лесу.

По-настоящему Козявку звали Сашка Букашка, но для краткости его называли просто Козявка (когда к нему обращались, что случалось крайне редко, разве что кто-нибудь ахал: «Ну и ну! Ну и Козявка!»).

Перед тем как пропасть, он несколько минут провёл с Кристофером Робинем и сразу потом

пошёл вокруг кустика можжевельника — просто для моциону, но вместо того, чтобы, как ожидалось, вернуться с той стороны, НЕ вернулся вообще. И никто не знал, куда он делся.

— Он, наверно, домой пошёл,— сказал Кристофер Робин Кролику.

— А он сказал: «Всего хорошего, спасибо за приятно проведённое время»? — спросил Кролик.

— Он только сказал «Здрассте»,— ответил Кристофер Робин.

— Хм,— сказал Кролик.

Немного подумав, он спросил:

— А может, он написал письмо — о том, как он славно повеселился и как огорчён, что ему пришлось так внезапно удалиться?

— Не думаю,— сказал Кристофер Робин.

— Хм! — повторил Кролик. Вид у него был очень важный.— Это Весьма Серьёзно. Ясно, что он пропал. Мы должны начать поиски немедленно.

Кристофер Робин, который думал о чём-то другом, сказал: «А где Пух?» — но Кролика уже не было, так что он пошёл домой и нарисовал картинку — Винни-Пух на прогулке в семь часов утра; потом он влез на самую верхушку своего дерева и слез на землю; и тут он забеспокоился, что Пуха нигде не видно, и пошёл по лесу его искать.

И довольно скоро он набрёл на ямку, из которой когда-то брали гравий, а заглянув туда, он увидел спины Пуха и Пятачка. Друзья лежали рядышком и блаженно дремали.

— ХО-ХО! — сказал Кристофер Робин громко и неожиданно.

Пятачок подскочил чуть ли не на полметра в воздух — от Неожиданности и Испуга. Пух продолжал дремать.

«Это Слонопотам,— подумал Пятачок, трепеща.— Ну, пора!» Он немного прочистил горло, чтобы

слова, не дай Бог, не застряли, и потом самым беззаботным тоном, каким мог, замурлыкал:

— Тара-тара-тара-рам! — как будто сам только что придумал эти замечательные слова. Но оглядываться он не стал, потому что если ты оглянешься и увидишь Очень Свирепого Слонопотама, который стоит над тобой и смотрит сверху — ты иногда можешь забыть то, что собирался сказать.

— Трам-пам-пам-тирирам-пам-пам! — сказал Кристофер Робин почти что Пуховым голосом. Дело в том, что когда-то (очень давно!) Пух сочинил (ныне Всем Известную) Шумелку с такими словами:

Тара-тара-тара-рам!

Трам-пам-пам-тирирам-пам-пам!

Тири-тири-тири-рим!

Трам-пам-пам-тиририм-пим-пим!

и с тех пор, когда бы Кристофер Робин ни запел эту Всем Известную Шумелку, он всегда поёт её почти что Пуховым голосом, потому что так получается правильное.

«Ой, а он говорит совсем не то, — встревоженно подумал Пятачок. — Он должен был опять сказать «Хо-хо!». Может, лучше я скажу за него?»

И Пятачок как можно свирепее сказал:

— ХО-ХО!

— Как ты сюда попал, Пятачок? — спросил Кристофер Робин своим обычным голосом.

«Это у-ужасно, — подумал Пятачок. — Сначала он говорит Пуховым голосом, а потом он говорит Кристофер-Робиновым голосом — и всё нарочно, чтобы меня расстроить!»

И — Совершенно Расстроенный — бедный Пятачок заговорил быстро и очень пискливо:

— Это Ловушка для Пухов, и я жду, что туда упаду, хо-хо-хо-хо, что это такое, а потом я опять скажу «Хо-хо!».

— ЧТО? — спросил Кристофер Робин.

— Ловушка для Хо-хо-хов! — хрипло ответил Пятачок.— Я её только что сам сделал и жду, что Хо-хо сам туда шлёп-шлёп-топ-топ!

Возможно, Пятачок мог бы ещё долго продолжать в том же духе, но в этот момент Винни-Пух внезапно пробудился и решил, что их шестнадцать. Он, естественно, встал, а когда он обернулся, чтобы почесать себе спинку в том месте, где его что-то щекотало, он увидел Кристофера Робина.

— Привет! — сказал он радостно.

— Привет, Пух.

Пятачок поднял глаза — и сразу их отвёл. Он почувствовал себя так Неловко и Глупо, что снова почти окончательно решил убежать из дома и стать матросом. Как вдруг он что-то заметил.

— Пух! — закричал он. — Там кто-то лезет по твоей спине!

— Я так и думал, — сказал Пух.

— Это Козявка! — крикнул Пятачок.

— Ну да?! Так вот кто это! — сказал Пух.

— Кристофер Робин, я нашёл Козявку! — крикнул Пятачок.

— Молодец, Пятачок, — сказал Кристофер Робин.

И, услышав эти одобрительные (и ободрительные) слова, Пятачок снова почувствовал себя совершенно счастливым и раздумал идти в матросы. Кристофер Робин помог им выбраться из Ямы для Гравия, и они отправились гулять — все втроём.

Два дня спустя Кролик случайно встретил в Лесу Иа-Иа.

— Привет, Иа, — сказал он, — что ты тут ищешь?

— Козявку, конечно, — отвечал Иа-Иа. — Ты что, ума лишился?

— Ой, разве я тебе не сказал? — сказал Кролик. — Его разыскали позавчера.

И наступило молчание.

— Ха-ха, — сказал Иа-Иа с горечью. — Мило и весело. Не извиняйся. Ничего другого нельзя было и ожидать.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*в которой Кролик очень занят
и мы впервые встречаемся
с Пятнистым Щасвирнусом*

Всё предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день.

Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня всё от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало всё проверить, всё выяснить, всё разъяснить и, наконец, самое главное, всё организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуху и сказать: «Ну что ж, отлично, тогда я передам Пятачку», а затем к Пятачку и сообщить: «Пух считает... Но лучше я сначала загляну к Сове». Начинался такой, как бы вам сказать, командирский день, когда все говорят: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, принюхиваясь к тёплому весеннему ветру, размышлял о том, с чего начать.

Ближе всех к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик» и «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу, но, увы, в последнее время там безотлучно находился ещё один зверь — непослушный и неугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который сам лучше вас всё знает, и, если вы говорите

ему, куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберётесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: «Ну вот, мы у цели!»

— Нет, к Кенге не надо,— задумчиво сказал Кролик, подкручивая усики. И, желая окончательно удостовериться в том, что он туда не идёт, он повернул налево и побежал прямёхонько к дому Кристофера Робина.

«Что ни говори,— твердил Кролик про себя,— Кристофер Робин надеется только *на меня*. Он, конечно, любит Пуха, и Пятачка, и Иа, я — тоже, но у них у всех в голове опилки. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет писать слово «суббота», даже если он пишет его неправильно, но правильное написание — это ещё не всё. Бывают такие дни, когда умение написать слово «суббота» просто не считается. А Кенга слишком занята Крошкой Ру, а Крошка Ру слишком маленький, а Тигра слишком непослушный, так что, когда наступает ответственный момент, надеяться можно только на меня. Я пойду и узнаю, в чём ему нужно помочь, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий».

Он весело перескочил на другой берег речки и вскоре оказался в районе, где жили его Родственники и Знакомые; сегодня их было, кажется, ещё больше обыкновенного. Кивнув одному-другому Ежу (поздороваться с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросив «доброе утро, доброе утро» ещё кое-кому и снисходительно приветствовав самых маленьких словами: «Ах, это вы», Кролик махнул им всем лапкой и скрылся. Всё это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Козявок, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремучий Лес и полезли на деревья, надеясь, что они успеют забраться

на верхушку до того, как *это* — что бы оно там ни было — случится, и они смогут всё как следует увидеть.

Кролик нёсся по опушке Дремучего Леса, с каждой минутой всё больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он два раза окликнул Кристофера Робина.

Потом он отошёл немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, ещё покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашёл с другой стороны и опять покричал: «Эй!» и «Слушай!» и «Это Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался,

и всё замолчало и прислушалось вместе с ним, и в освещённом солнцем Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной высоте запел жаворонок.

— Обидно,— сказал Кролик,— он ушёл.

Он снова повернулся к зелёной двери, просто так, для порядка, и собирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно испорчено, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

— Ага,— сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение.— Мне опять письмо!

Вот что там говорилось:

УШОЛ ЩАСВИРНУС

Занит

Щасwirнус

К. Р.

— Ага! — повторил Кролик.— Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремучему Лесу к дому Совы. Он подошёл к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Убирайся, я предаюсь размышлениям,— ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова,— сказал Кролик деловито,— у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду *думать по-настоящему*, то это наше с тобой дело.

— Да,— сказала Сова,— я этим и занимаюсь.

— Прочти вот это.

Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на неё в некотором замешательстве. Она, конечно, умела подписываться — «Сава» и умела писать «Суббота» так, что вы понимали, что это не вторник, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не заглядывали через плечо и не спрашивали ежеминутно: «Ну так что же?» Да, она всё это умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да, — сказала Сова очень умным голосом. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно, — сказала Сова. — Вот именно. — И после некоторого размышления добавила: — Если бы ты не зашёл ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

— Почему? — спросил Кролик.

— По этой самой причине, — сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь выяснить.

— Вчера утром, — торжественно произнёс Кролик, — я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколотая записка.

— Эта самая записка?

— Другая. Но смысл её был тот же самый. Всё это очень странно.

— Поразительно, — сказала Сова, снова уставившись на записку. На минуту ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина. — Что же ты сделал?

— Ничего.

— Это самое лучшее, — ответила мудрая Сова.

Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.

— Ну так что же? — повторил неумолимый Кролик.

— Конечно, это совершенно неоспоримо,— пробормотала Сова.

С минуту она беспомощно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг её осенило.

— Скажи мне, Кролик,— сказала она,— что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого всё зависит. Повтори слово в слово.

— Да то же самое, что и в этой, честное слово!

Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением спихнуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она ещё раз попыталась выяснить, о чём же идёт разговор.

— Прошу повторить точный текст,— сказала она, словно не обратив внимания на то, что сказал Кролик.

— Да там было написано: «Ушел щасвирнус». То же самое, что и здесь, только здесь ещё добавлено: «Занит щасвирнус».

Сова с облегчением вздохнула.

— Ну вот,— сказала Сова,— вот теперь наше положение стало яснее...

— Да, но каково положение Кристофера Робина? — сказал Кролик.— Где он сейчас? Вот в чём вопрос.

Сова снова поглядела на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать такую записку: «Ушел щасвирнус. Занит щасвирнус». А что тут ещё могло быть написано?

— По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло,— сказала она.— Кристофер Робин куда-то ушёл с Щасвирнусом. Он и этот... Щасвирнус сейчас чем-то заняты... Ты за последнее время встречал у нас в лесу каких-нибудь Щасвирнусов?

— М-м-м,— сказал Кролик,— я как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?

— Ну,— сказала Сова,— Пятнистый или Травоядный Щасвирнус — это просто... По крайней мере,— сказала она,— он больше всего похож на... Но, конечно,— продолжала она,— это сильно зависит от... Ну...— сказала Сова.— Словом, я плохо представляю себе их внешний вид,— закончила она чистосердечно.

— Большое спасибо,— сказал Кролик.

И он помчался к Винни-Пуху.

Ещё издалека он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Винни-Пух, а шум был вот какой:

ЗАГАДОЧНЫЙ ШУМ

*Опять ничего не могу я понять,
Опилки мои — в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.*

*Возьмём это самое слово «опять».
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
«Ошесть», и «Осемь», и «Овосемь»?*

*Молчит этажерка, молчит и тахта,
У них не добьёшься ответа,
Зачем это хта — обязательно та,
А жерка, как правило, эта!*

*«Собака кусается»... Что ж, не беда,
Загадочно то, что собака
Хотя и кусаетСЯ, но никогда
Себя не кусает, однако...*

*О, если бы мог я всё это понять,
Опилки пришли бы в порядок!
А то мне — загадочно! — хочется спать
От всех этих Трудных Загадок!*

— Здорóво, Пух,— сказал Кролик.

— Здравствуй, Кролик,— отвечал Пух сонно.

— Это ты сам додумался?

— Да, вроде как сам,— отвечал Пух.— Не то чтобы я умел думать,— продолжал он скромно,— ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

— Угу,— сказал Кролик, который никогда не позволял ничему находить на него, а всегда всё находил и хватал сам.— Так вот, дело вот в чём: ты когда-нибудь видал Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса у нас в Лесу?

— Нет,— сказал Пух,— ни-ко... Нет. Вот Тигру я видел сейчас.

— Он нам ни к чему.

— Да,— сказал Пух,— я и сам так думал.

— А Пятачка ты видел?

— Да,— сказал Пух.— Я думаю, он сейчас тоже ни к чему,— продолжал он сонно.

— Ну, это зависит оттого, видел он кого-нибудь или нет.

— Он меня видел,— сказал Пух.

Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но, почувствовав, что это умаляет его достоинство, снова встал и сказал:

— Если сформулировать нашу задачу, то её можно изложить так: «Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?»

— Что он делает?

— Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Требуются свидетельства очевидца за последние несколько дней.

— Да,— сказал Пух,— мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен. Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порядочную, солидную корзиночку, полную...

— Да, да,— сказал Кролик,— всё понятно. Но я имею в виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

— Ну,— сказал Пух,— в одиннадцать часов... В одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

— А в четверть двенадцатого?

— Ну...— начал Пух.

— В полдвенадцатого?

— Да,— сказал Пух.— В полдвенадцатого или немножко попозже я обычно вижусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил,

что действительно давно не видел Кристофера Робина в это время. После обеда — да, перед завтраком — да, сразу после завтрака — да, а потом действительно: «Ну, Пух, скоро увидимся», и Кристофер Робин исчезает на всё утро.

— Вот то-то и оно,— сказал Кролик.— Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что? — спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать,— сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

— Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса?

— Да,— сказал Пух,— одного из них. Если он не на месте.

Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

— Кажется, толку от тебя немного,— сказал он.

— Нет,— сказал Пух.— Но я стараюсь,— добавил он смиренно.

Кролик поблагодарил его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он ждёт Пятачка.

— Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушёл.

Но случилось так, что первым встретил Пятачка как раз Кролик. Пятачок встал в этот день очень-очень рано и решил нарвать себе букетик фиалок, и, когда он нарвал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарвал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как грустно быть ослом, которому никто никогда в жизни даже не нарвал букета фиалок. И он снова помчался на лужайку, повторяя про себя: «Иа, фиалки», а потом: «Фиалки, Иа-Иа», чтобы не забыть.

Пятачок нарвал большой букет и побежал рысцей к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя необыкновенно счастливым.

— Здравствуй, Иа,— начал Пятачок немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и помахал Пятачку, чтобы он уходил.

— Завтра,— сказал Иа,— или послезавтра.

Пятачок подошёл поближе посмотреть, в чём дело.

Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперёк них. Пятачок подумал, что, наверно, это какая-нибудь Западня.

— Ой, Иа,— снова начал он,— я как раз...

— Это маленький Пятачок? — спросил Иа, не отрывая взора от своих палочек.

— Да, Иа, и я...

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— сказал Пятачок.

— Это «А».

— О! О! — сказал Пятачок.

— Какое «О»? Это «А»! — строго сказал Иа.— Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

— Кристофер Робин сказал, что это «А»,— значит, это и будет «А». Во всяком случае, пока кто-нибудь на неё не наступит,— добавил Иа сурово.

Пятачок поспешно отскочил назад и понюхал свои фиалки.

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Пятачок?

— Нет, Иа, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование, Науки и тому подобные вещи, о которых

ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает «А»!

— О! — снова сказал Пятачок.— Я хотел сказать «Да ну?»,— поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Пятачок. В этом Лесу толчётся масса всякого народа, и все они говорят: «Ну, Иа — это всего лишь Иа, он не считается». Они разгуливают тут взад и вперёд и говорят «Ха-ха!». Но что они знают про букву «А»? *Ничего*. Для них это просто три палочки. Но для Образованных, заметь себе это, маленький Пятачок, для образованных — я не говорю о Пухах и Пятачках — это знаменитая и могучая буква «А». Да, это тебе не такая вещь,— добавил он,— про которую каждый знает, чем это пахнет!

Пятачок смущённо спрятал за спину фиалки и оглянулся в поисках помощи.

— А вот и Кролик,— сказал он радостно.— Здравствуй, Кролик.

Кролик с важным видом подошёл поближе, кивнул Пятачку и сказал: «Привет, Иа», тоном, ясно говорившим, что спустя не более двух минут он скажет: «Всего хорошего».

— Иа, у меня к тебе только один вопрос. Что это делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

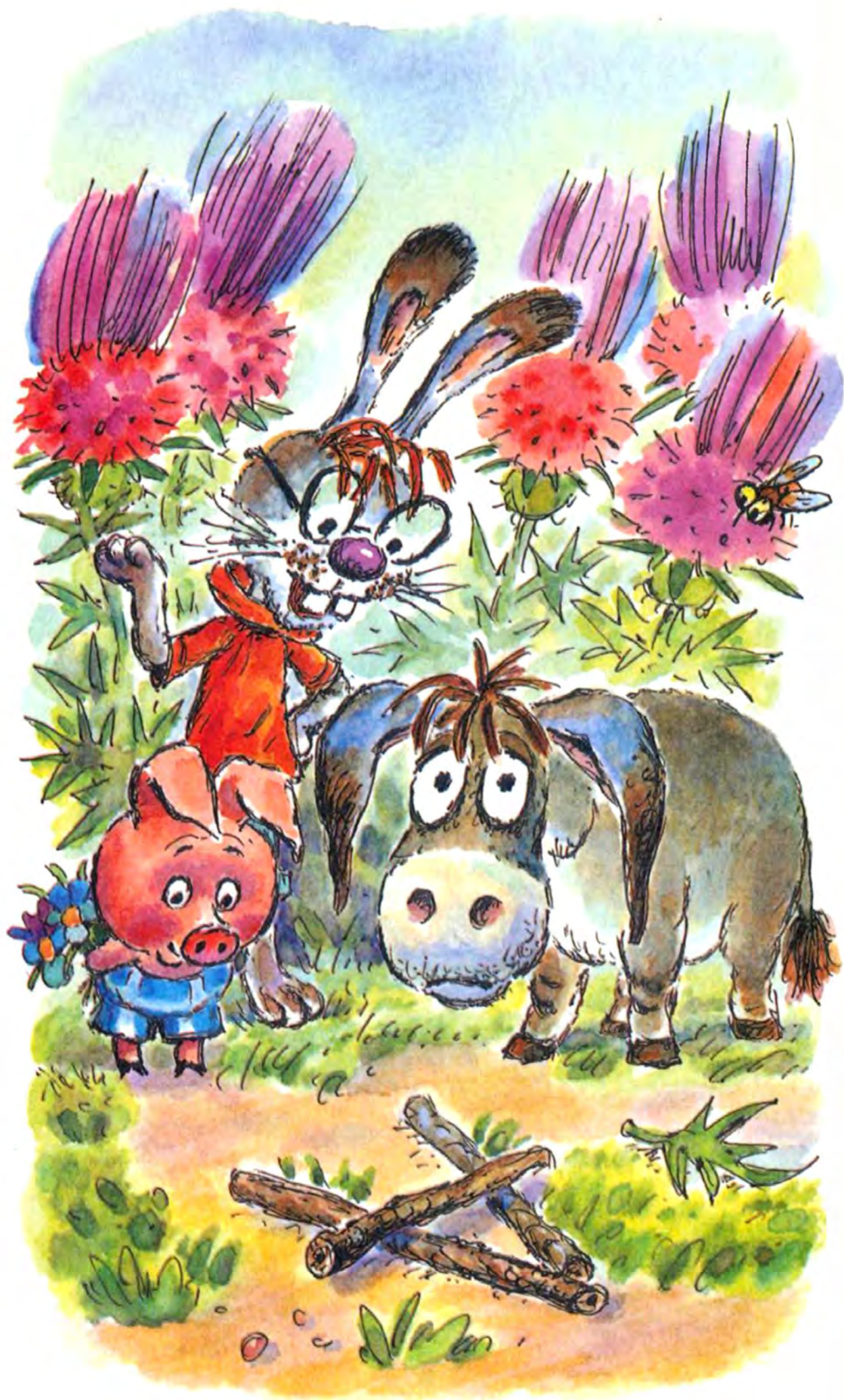
— Что я сейчас вижу перед собой? — сказал Иа, не поднимая глаз.

— Три палочки,— не задумываясь, ответил Кролик.

— Вот видишь? — сказал Иа Пятачку. Потом он повернулся к Кролику.— Теперь я отвечу на твой вопрос,— торжественно сказал он.

— Спасибо,— сказал Кролик.

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он обалдевает — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь,— он обалдевает знаниями. В меру своих скромных сил

я также — если я правильно усвоил это слово — обал...
делаю то же, что и он. Вот это, например, буква...

— Буква «А»,— сказал Кролик,— но не очень удачная. Ну, ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Пятачка.

— Как сказал Кролик? Что это такое? — спросил он.

— «А»,— сказал Пятачок.

— Это ты ему сказал?

— Нет, Иа, я не говорил. Я думаю, он сам знает.

— Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то Кролик знает букву «А»?

— Да, Иа. Он очень умный, Кролик-то.

— Умный!..— сказал Иа с презрением, изо всех сил наступив копытом на свои три палочки.

— Образование!..— с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их стало уже шесть).

— Что такое наука? — спросил Иа, лягая палочки (их было уже двенадцать), так что они взлетели в воздух.— Какой-то Кролик всё это знает. Ха!..

— Я думаю...— начал Пятачок робко.

— Не надо! — сказал Иа-Иа.

— Я думаю, фиалки довольно милые,— сказал Пятачок. Он положил перед Иа свой букет и умчался.

На следующее утро записка на двери Кристофера Робина гласила:

Я УШЁЛ
СЕЙЧАС ВЕРНУСЬ
К. Р.

Вот почему все обитатели Леса — за исключением, конечно, Пятнистого или Травоядного Щас-вирнуса — отныне знают, чем Кристофер Робин занимается по утрам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в которой для Иа-Иа строят дом на Пуховой Опушке	4
<i>Глава вторая</i> , в которой в Лес приходит Тигра и завтракает	16
<i>Глава третья</i> , в которой огрызуются Поиски, а Пятачок опять чуть-чуть не попался Слонопотаму	29
<i>Глава четвёртая</i> , в которой Кролик очень занят и мы впервые встречаемся с Пятнистым Щасвирнусом	42
<i>Глава пятая</i> , в которой выясняется, что Тигры не лазят по деревьям	56
<i>Глава шестая</i> , в которой Винни-Пух изобретает новую игру и в неё включается Иа-Иа	71
<i>Глава седьмая</i> , в которой Тигру решили укоротить	84
<i>Глава восьмая</i> , в которой Пятачок совершает Великий Подвиг	98
<i>Глава девятая</i> , в которой Иа находит Савешник и Сова переезжает	111
<i>Глава десятая</i> , в которой мы оставляем Кристофера Робина и Винни-Пуха в Зачарованном Месте	123

Алан Александр Милн
Борис Владимирович Заходер
ДОМ НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ
Для младшего школьного возраста

Художник
Эдуард Васильевич Назаров

Лицензия ЛР № 070445 от 01.04.97.
Лицензия ЛР № 064023 от 14.04.95.
Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.04.952.П.01690.Т.98. от 09.09.98.
Подписано в печать 21.09.99.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура "Таймс".
Усл. п. л. 8,5. Заказ № 2017.

РИО "Самовар 1990"
127018, Москва, а/я 90.
ООО "Шалаш"
127018, Москва, 1-я Ямская ул., 15/17-26.

По вопросам приобретения книг обращаться
по телефонам: 973-00-86, 973-08-10.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

РИСОВАЛ Э.НАЗАРОВ

САМОУВАР

9 785850 661144 >